

Тактическая пауза при неизменной стратегии

В начале марта президент Владимир Путин заявил: «Если европейские компании вдруг решат переориентироваться и обеспечить нам долгосрочную, устойчивую совместную работу, лишённую политической конъюнктуры, мы готовы работать с европейцами, но нам нужны какие-то сигналы от них, что они готовы и тоже хотят работать и обеспечить нам эту устойчивость и стабильность». Затем Еврокомиссия дважды перенесла анонсированную на 24 марта, а затем на 15 апреля публикацию законопроекта о полном запрете импорта российской нефти, входящего в 20-й пакет санкций. В Брюсселе отмечают, что это не отменяет – сроки сдвинуты из-за текущей геополитической ситуации, включая колебания на мировом нефтяном рынке на фоне войны в Иране. Но комментаторы (например, агентства Bloomberg) стали связывать этот перенос в том числе и со словами Путина о готовности вернуться к поставкам в Европу. Ещё до новой войны в Заливе в западной прессе начал активно обсуждаться вопрос о возможности ввода в эксплуатацию газопровода «Северный поток – 2» под контролем США.

Хронологически совпадения не всегда являются причинно-следственными. Но из всех этих сообщений кое-кто в разных эшелонах власти и бизнеса начинает делать предположения о возможности сохранения и/или расширения поставок российских энергоресурсов в ЕС. Попробуем исключить завышенные ожидания.

Перенос даты публикации полного запрета российского нефтяного импорта в Европу носит лишь тактический характер в рамках долгосрочной политики США и ЕС по полному отказу Европы от российских энергоресурсов. 12 апреля прошли выборы в Венгрии, которые выиграла оппозиция; теперь законопроект с 20-м санкционным пакетом ЕС будет дан ход.

ЕС давно нацелен на отказ от сотрудничества с нашей страной по всем направлениям, не только в энергетике. Европа начала реализовывать эту политику не с 2022 г. (в марте – мае 2022 г. была принята программа «Перезагрузки ЕС»), в которой было артикулировано намерение к 2027 г. отказаться от поставок российских энергоресурсов), а на 20 лет раньше. Пик сотрудничества Россия – ЕС в энергетике пришелся на 2003–2004 гг., когда стороны еще обсуждали формиро-

Андрей Конопляник

член научного совета РАН по системным исследованиям энергетики

вание четырех общих пространств, одно из них энергетическое. После этого начинает доминировать политическая линия на постепенный уход ЕС от российских энергопоставок.

Сначала она проводилась под эгидой диверсификации поставок. Второй (2003) и третий (2009) энергопакеты ЕС ввели регуляторные обременения, под которые попал и российский газ, поскольку после расширения ЕС в 2004 г. пункты сдачи-приемки газа по долгосрочным контрактам «Газпрома» с европейскими покупателями оказались внутри территории ЕС. Транзитные газовые российские-украинские кризисы 2006 и 2009 гг. дали дополнительный импульс Европе для интенсификации ухода от доминирования российского газа в импорте, хотя было установлено и доказано, что виновницей кризисов была Украина, пошедшая на несанкционированный отбор газа из транзитной трубы.

А потом в ЕС пришло время зеленой повестки и декарбонизации, т. е. принудительного отказа от топлива, содержащего молекулы углерода. Параллельно ЕС стал не только постепенно сворачивать инструменты двустороннего сотрудничества в энергетике в рамках «ЭнергодIALOGA Россия – ЕС», но и вводить с 2014 г. прямые антироссийские санкции, в том числе технологические и финансовые, нацелив их в первую очередь на воспрепятствование развитию российского ТЭК. Наконец, после начала СВО запущена программа «Перезагрузки ЕС!», нацеленная на окончательный отказ от российских энергоресурсов. Каждые полгода ЕС принимает очередной санкционный пакет, ужесточающий предыдущие.

Целенаправленное расширение числа поставщиков ЕС не смогло ослабить конкурентные позиции российских углеводородов. Возобновляемые источники энергии (и так называемый возобновляемый водород как их производная) также не стали экономическими конкурентами для российских поставок. Тогда пришла очередь административно-политического вытеснения. Это делается руками европейских политических элит, действующих не в интересах своих национальных государств и объединенной Европы, а в интересах США. Устранение российских углеводородов из энергобаланса Европы – стратегическая линия американской внешней политики в XXI в. независимо от того, какой президент в Белом доме.

В результате сланцевой революции США превратились из импортера в экспортера нефти и газа. Идти на рынок ЕС из экспортных терминалов Мексиканского залива прямее и ближе, чем в Азию. В Европе основным конкурентом для сжиженного природного газа (СПГ) и нефти США были российские нефть и газ. До пандемии примерно треть газового рынка ЕС удерживал российский сетевой газ. Поставки «Газпрома» в Европу могли оставаться рентабельными, когда другим поставщикам (в частности, американского СПГ) поставлять сюда уже было бы невыгодно. США

Дешевый сланцевый газ, который в обилии стал поступать на внутренний рынок США, стал вытеснять оттуда более грязный уголь

было нужно, чтобы российский газ ушел из Европы: тогда возникнет дефицит предложения, цены взлетят, поставки американского СПГ станут рентабельными. Сегодня США поставляют в Европу примерно половину своего экспорта нефти и около 70% своего СПГ.

Первый этап вытеснения российских поставок из ЕС пришелся на экономический кризис 2008–2009 гг. Сделано это было руками Катара, который в то время был партнером-союзником США. Развитие отрасли СПГ в Катаре происходило с непосредственным уча-

ствием компаний США, в частности ExxonMobil, в расчете на поставки в США. Катарский проект начал развиваться в 1980-е гг., задолго до американской сланцевой революции. До начала XXI в. считалось, что США будут импортером СПГ. Но когда сланцевая революция «выстрелила», на рынке США образовался избыток предложения дешевого сланцевого газа. И поставки катарского СПГ, которые должны были прийти в США, были направлены в Европу. Это создало в Европе избыток предложения на фоне кризисного снижения спроса, и Катар стал продавать свой газ по ценам разовых сделок. Россия же продавала газ в ЕС по ценам долгосрочных контрактов с нефтяной привязкой. Достигалась двукратная разница: катарский газ оказывался в 2 раза дешевле и отвоевывал рыночную нишу у российского.

На втором этапе, в 2010–2014 гг., российский газ из Европы вытеснялся уже американским углем. Дешевый сланцевый газ, который в обилии стал поступать на внутренний рынок США, стал вытеснять оттуда более грязный уголь. И этот уголь пошел на экспорт в Европу. Он оказался дешевле, чем контрактный российский газ с нефтепродуктовой привязкой: в 2010–2014 гг. цены на нефть держались на уровне выше \$100 за баррель. Сработали чисто коммерческие принципы, которые в свое время описал в «Капитале» Карл Маркс, цитируя профсоюзного деятеля Томаса Джозефа Даннинга: «При 300% нормы прибыли нет такого преступления, на которое не готов пойти капиталист». Кричавшая о сохранении климата Европа легко переклонила на закупки более дешевого, но грязного американского угля вместо более дорогого, но чистого российского газа.

Третий этап начался в феврале 2016 г. вместе с экспортными поставками американского СПГ. Началась прямая дискриминация российского газа принятием соответствующих законов США. В первую очередь Трамп в августе 2017 г. был принят закон «О противодействии противникам США посредством санкций» (GAATSA).

Никакие российские энергоресурсы в Европе не нужны ни США, ни их нынешним европейским сателлитам. «Заминка» с принятием 20-го пакета санкций ЕС – это осознанная тактическая пауза (на время выборов в Венгрии) на совместном пути нынешних элит США и ЕС к полному вытеснению российских энергоресурсов из Европы. Эта задача будет этими элитами, увы, совместно решена. Из этих реалий нам и нужно исходить и не строить иллюзий, интерпретируя дипломатические вежливые слова президента России. –

ЦИТАТА ДНЯ

«А что ты сделал для победы, чтобы появился стабильный интернет?»

Александр Дрозденко

губернатор Ленинградской области

Максим Иванов
заместитель главного редактора «Ведомостей»

Об этом губернатор Ленинградской области Александр Дрозденко спросил депутатов собственного законодательного собрания во время отчета за минувший год. Заявления широко растиражировали СМИ.

Правда, оно было слегка вырвано из контекста. Перед этим «панчем» Дрозденко подробно говорил о достижениях региона. Формат обзывает.

Например, что Ленобласть по рейтингу цифровой трансформации – первая на Северо-Западе. Девятая во всей России! Региону можно чувствовать себя уверенно. А сообщив, что Ленобласть полностью научилась пользоваться МФЦ, «Госуслугами» и вообще цифровыми сервисами, губернатор вступил в дискуссию.

Кажется, что немного сам с собой. «Вы мне тут возразите: «Какие цифровые сервисы? Дайте стабильный интернет!» – заявил губернатор с трибуны (реплик из зала слышно не было). После чего рассказывал о трудностях, а также о том, что пока надо «сцепить зубы».

Мы, отмечал чиновник, приложим все усилия для победы и будет у нас постоянный мобильный интернет, а не только кабельный или в зонах WiFi.

Главный аргумент, почему «нужно потерпеть», – это вопрос безопасности. В понимании Дрозденко нынешние ограничения «это не только вопрос воздушных атак и угроз БПЛА».

Еще 10 дней назад Дрозденко признавал: «На уровне губернатора Ленинградской области и руководителя оперативного штаба регулировать интернет не могу». То есть полномочий «дать интернета больше или меньше» у высшего должностного лица нет (цитата по региональному «ЛентВ24»). И это даже не удивительно.

Если речь о безопасности, последнее слово вряд ли должно быть за «гражданскими». Правда, именно они теперь на информационной передовой – и объясняют, с чем связаны те или иные меры. Даже если о причинах только догадываются.

Политики вроде губернаторов чувствуют последствия на себе. К постоянным бытовым неудобствам добавляются неудобства иного характера. А очки себе на этом пытаются заработать некоторые ретивые оппоненты.

На этом фоне – особенно с учетом приближения выборов – поползли даже слухи о возможном откате по ряду решений. Правда, пока никакие сигналы не позволяют сказать, что такие гипотезы оправданны.

Вопросы безопасности никто не отменял. Сейчас мы живем еще в тепличных условиях, резонно напомнил депутатам Дрозденко. Стабильная связь нужна всем. И победа, значит, тоже.

Инвесторы уходят из «тихой гавани»

Спрос на офисы и склады в Московском регионе упал более чем в 2 раза. К таким неутешительным выводам пришли консультанты, подведя итоги I квартала 2026 г. Общий объем сделок с офисами снизился год к году с 330 000 до 169 000 кв. м, по данным компании Ricci. И это антирекорд с 2022 г. По складам, как отмечают в Bright Rich | Corfac International, поглощение сократилось с 980 000 до 409 147 кв. м. Это в целом по России. В Москве динамика оказалась более заметной, чем в целом по стране. По данным IBC Real Estate, здесь в I квартале было продано и сдано в аренду 336 000 кв. м, а это на 47% меньше, чем было годом ранее.

Антон Филатов

заместитель главного редактора «Ведомостей»

У этих сегментов абсолютно разный путь развития. Склады

выстрелили в период пандемии коронавируса, когда на фоне стремительного развития рынка электронной коммерции маркетплейсы и классические ритейлеры активно набивали логистические портфели, создавая ажиотажный спрос. Офисы же после прикрытия массовой программы льготной ипотеки стали альтернативой жилью для инвесторов. Здесь активность стала следствием возвращения сотрудников с «удаленки», расширения штатов у отечественных игроков после ухода зарубежных компаний из России, а также продвижения программы столичной мэрии по созданию мест приложения труда. Все вместе эти факторы стимулировали инвесторов стро-

ить бизнес-центры и другую коммерческую недвижимость.

Несмотря на разный вектор развития, причины падения спроса у обоих субрынков оказались примерно одинаковыми. И основные – это ухудшение экономической ситуации, дорогие кредиты, высокая база прошлых лет.

Ритейлеры и дистрибуторы оптимизируют издержки, сокращая площади в логпарках, а покупатели офисов теряют интерес к таким помещениям из-за несоответствия ожидаемой доходности и реальных показателей. Таким образом, «тихая гавань» в лице такой недвижимости для инвесторов, похоже, закрылась. Впрочем, консультанты все еще надеются на лучшее. –